

# Литературный АЗЕРБАЙДЖАН

## СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

### ТВОРИТЬ ДЛЯ НАРОДА\*

|                                                                                           |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Мирза ИБРАГИМОВ. Возвышать, облагораживать                                                | 3  |
| Мир ДЖАЛАЛ. За высокую идейность и мастерство                                             | 3  |
| Джабир НОВРУЗ. Крепко держать оружие отцов                                                | 7  |
| Михаил ПЕТРАКОВ. Истоки подлинного новаторства                                            | 8  |
| Сулейман РУСТАМ. Заветные строки (из книги «Не могу забыть»). Стихи (перевод В. Кафарова) | 10 |

### РАССКАЗЫ

|                                                                                                                                       |    |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Али ВЕЛИЕВ. Анагыз. Добрый совет (перевод Е. Войскунского)                                                                            | 16 |
| Сабит РАХМАН. Руки. Сон Гасана (перевод Джалала Мамедова)                                                                             | 31 |
| Иван ТРЕТЬЯКОВ. Свет падучей звезды                                                                                                   | 37 |
| Самвел ГРИГОРЯН. Серп луны. Людям. Лист. Облако. Радость жизни. Не засыпай. Колхозница. Стихи (переводы В. Звягинцевой и Е. Елисеева) | 52 |
| С. КАСПАРОВ. Четвертое измерение. Повесть (окончание)                                                                                 | 55 |
| Петр СИМОНОВ. Прямота. Стихи                                                                                                          | 83 |

5-6  
Май -  
Июнь  
1963

Год издания XXI

М. Ф. Ахундов adına  
Азәрбајҹан Республика  
КИТАБХАНАСЫ

См. на обороте

## РУКИ

Я переехал в Баку в начале нэпа. Город был в то время далеко не таким, как сейчас: на больших, центральных улицах кое-где еще светили редкие фонари, а на других — и вовсе ни одного огонька. Особенно крошечной бывала вечерняя тьма в верхней, нагорной части города. И как только спускались сумерки, оживали, начинали шевелиться ночные тени — люди «дна», злые силы тогдашнего общества.

Был у меня сосед по имени Сафтар. Где он работал — не знаю. Уходил утром, возвращался к обеду. Спать ложился рано. А у меня почти всю ночь горел свет — я работал, писал. По этому поводу Сафтар часто говорил мне:

— Муэллим, зло, приходящее утром, лучше вечернего добра. Ночью надо отдыхать.

— Нет, Сафтар, — возражал я ему, — пословица эта устарела. Ты видишь, как много сейчас вечерних школ, вечерних курсов, театров, кино...

А Сафтар все настаивал:

— Нет, муэллим, не согласен. Я тьмы не люблю! Как начинает вечереть, у меня сами собой закрываются глаза.

У Сафтара была жена Рафига и годовалая дочка. Рафига, как и муж, боялась темноты и по вечерам не выходила на улицу. Жили они очень мирно.

Тяжелым трудом Сафтар добывал на пропитание, а Рафига с утра до вечера мыла, чистила, готовила.

Но вот Сафтар нашел новую работу: он стал заведующим складом... И как по волшебству все изменилось. У него появились деньги, он сделался удивительно проворным, суетливым, и в то же время обрел не свойственную ему самоуверенность. Прошло несколько месяцев, изменилось и его отношение к жене. «Не понимаю, кто навязал мне эту ведьму?» — часто ворчал он.

Ворчал, ворчал и однажды с дочерью на руках выгнал ее. Привел другую. Вскоре после ее прихода в доме воцарился зеркальный шкаф, появилась хрустальная люстра. Новая жена принесла с собой достаток и веселье. К Сафтару зачастили гости — целые толпы гостей. Теперь он уже не ложился спать, как раньше, с наступлением сумерек. Далеко за полночь разноголосое пьяное пение не давало уснуть соседям. Новая жена вставала поздно, домашней работой себя не утруждала — а иначе на что же домработница! У нее и руки-то были изнеженные, мягкие, белые, как сметана.

Но, несмотря на такую беззаботную жизнь, Сафтару, видимо, было нелегко. Я чувствовал это по его вечно суетящимся рукам. То он перебирал четки, подергивая при этом плечами, то крутил самокрутку, роняя табак, и даже тогда, когда он ничего не делал, руки его нервно шевелились. По вечерам он часто исчезал, возвращался затемно, долго шептался у ворот с какими-то подозрительными людьми.

— Я не узнаю тебя, Сафтар, — сказал я однажды. — Не ты ли сам не раз повторял мне, что зло, приходящее утром, лучше вечернего добра?

— Но ведь ты мне отвечал, что это устаревшая поговорка, — бросил он мне на ходу и исчез. Я начал смутно догадываться о его занятиях.

...Зимний вечер наступил рано. Во дворе и на улице ни зги не видать. Вдобавок разбушевался сильный норд. Я спешил в институт — на вечерние занятия. У ворот стояли трое. Один из них подошел ко мне и вложил мне в руку какой-то легкий, но объемистый сверток.

— Возьми, — шепнул он; — это выручка от последней партии товаров. Спрячь и будь осторожен. На наш след напали.

Не успел я возразить, как они словно растаяли во мраке. Пришлось вернуться домой, посмотреть — что это мне подсунули? Да, это была славная выручка — огромная сумма денег.

Я тихо постучал в дверь соседа. Открыла его жена. Увидела меня, растерялась.

— Сафтара нет дома!

— Передайте ему эти деньги, — сказал я, протянув туго свернутую пачку ассигнаций. — Только что мне вручили их у ворот, вот здесь, трое. Ошиблись, наверное...

Она жадно схватила деньги и быстро захлопнула дверь. Но не успел я очутиться у себя дома, как прибежал Сафтар. Он был ужасно взволнован, даже побелел.

— Клянусь вами, муэллим, не понимаю, откуда эти деньги? — Он смеялся, дергая плечами. — Никто мне не должен. Наверное — ваши, отец послал вам из района. Возьмите, пожалуйста! — И он засунул мне деньги в карман.

— Что ты, Сафтар? — возмутился я. — Откуда у моего отца такие доходы? Это тебе принесли, сказали: выручка за последнюю партию товаров.

Услышав это, Сафтар в ужасе попятился, прикрываясь руками, будто в руках у меня были не деньги, а револьвер.

— Верни тем, которые дали тебе! — крикнул он. — Никому я ничего не продавал и про эти деньги ничего не знаю и знать не хочу!

Он ушел. А я, накинув на себя пальто, вышел на поиски загадочных людей. Но, увы, эти поиски не увенчались успехом.

Всю ночь я не сомкнул глаза. Как будто эти деньги были коварно притаившейся змеей, готовой ужалить меня, как только я усну.

Утром Сафтар встретил меня у ворот. Видно было, что он тоже не спал: глаза опухли, покраснели, лицо стало серовато-бледным.

— Куда так рано, муэллим?

— Несу деньги в милицию.

Сафтар попытался свести дело к шутке.

— За что вы их тащите в милицию, муэллим, разве деньги в чем-нибудь виноваты?!

— Пусть найдут их хозяев.

Сафтар схватил меня за руку, шепнул в ухо:

— Поделим... пополам.

— Вы что? С ума сошли? Не надо мне!

— А мне надо. Дайте мне. Я вообще люблю деньги, хоть и не мои. Дайте, потратим, помолимся, за вас...

Я отдал ему все — сразу стало легче. Но он не отставал:

— Прошу вас, муэллим, никому ни слова. Хорошо? Обещаете?

Я вернулся домой. И почти сразу же в ворота шумно постучали. В комнате соседа начался страшный переполох. Падали стулья, гремели ставни. И вдруг Сафтар ворвался ко мне.

— Берите эти деньги, муэллим, опасно... Стучатся!

И тут же исчез. Нет, эта связка ненавистных ассигнаций просто преследовала меня! Возмущенный, разъяренный, я прохаживался по комнате, стараясь не глядеть на них.

И вдруг Сафтар вернулся.

— Фу, оказывается, это прислуга... Налугала, проклятая... Дайте мне их, муэллим, крепко привязался я к ним, черт возьми, не могу от них отказаться.

Изрядно помятые бумажки вновь вернулись в его карман.

В тот день до самого вечера я был очень занят и даже некогда было вспомнить о происшедшем. Только вечером, возвращаясь домой, я увидел свет в окнах соседа и вспомнил историю с деньгами. «Опять, наверное, пируют», — подумал я.

Но как только вошел во двор, убедился, что на сей раз глубоко ошибся. Перед дверью соседа стояли два милиционера.

Я вошел к себе, зажег свет. Кто-то тихо, совсем бесшумно приоткрыл дверь и... протянул руку. Я узнал, чья это рука. Жена Сафтара протягивала мне все ту же пачку ассигнаций.

Кто-то властно спросил:

— Баджи<sup>1</sup>, что это вы передаете соседу?

— Ничего, брат мой, бумажка.

— А ну дай, посмотрим, что за бумажка?

Рука вздрогнула, задержалась на мгновение и отпрянула...

Ночью Сафтара увели. А утром жена собрала все вещи и ушла в родительский дом.

Недавно я возвращался ночью с окраины. Как все изменилось вокруг!

Я шел, любуясь панорамой светящегося города, и вдруг заметил идущего навстречу старика. Увидев меня, он резко поднял голову, воскликнул:

— Муэллим!

— Сафтар! — удивился и я. — Это вы?

— Да, да, я. Иду на ночную смену. Сторож я теперь, охранник.

Я даже растерялся, не зная, что сказать.

— Как семья, дети?

Сафтар приободрился, с волнением, даже с радостью ответил:

— Рафига получает пенсию. А дочка моя теперь — врач, хирург.

Все говорят, что у нее золотые руки.

— А что со второй женой?

— Ох, не надо вспоминать о ней! Вот что она со мной сделала...

Он поднял правую руку, вернее — обрубок правой руки.

— Что с вами случилось, Сафтар?

— Помните, как меня арестовали? Отсидел срок, вернулся. Думал, займусь честным трудом, но нет! Она вынудила меня опять взяться за старое... Однажды ночью мы крепко поспорили — я и ее брат. Он схватил топор, кинулся на меня... Пришлось пожертвовать рукой, чтобы спасти голову.

<sup>1</sup> Баджи — сестра.

Сафтар промолчал и задумчиво добавил:

— Не стоило приносить эту жертву... Плохо я поступил тогда, так обойдись с Рафигой. Хорошо еще, что она простила меня. Каждый раз, как смотрю на дочь, обнимаю внучек, словно душой молодею...

Мы расстались. Я шел по новым проспектам среди многоэтажных домов и зеленых садов, и думал: красоту жизни создают руки человека, труженика. А этот человек сам виноват в своем несчастье. Старый жестокий мир мрака и невежества чуть было не лишил его не только руки, но и души.

## СОН ГАСАНА

— Все на свете происходит по воле аллаха. Никому не избежать того, что начертано всевышним на лбу его. Всемогущий аллах направляет наши мысли и поступки с высоты небесной. Он заранее знает, что будем делать мы, его беспомощные рабы, сегодня, и завтра, и послезавтра...

Уж очень по душе пришлись Гасану слова моллы! Настроение у него поднялось, он слушал и довольно посмеивался. До сих пор ему казалось, что путь его лежит прямо в ад—столько он, грешный, наворовал за свою жизнь, что в загробном мире его даже близко к раю не допустят! Оказывается, это совсем не так: все его поступки заранее известны самому аллаху. Вот, например, Гасан сам еще не знает, в чей карман залезет через час, а ангелы уже обсуждают во всех подробностях предстоящую кражу. А раз всевышнему все заранее известно и он не мешает Гасану, значит, воровство не такое уж грязное дело, значит, оно тоже, как всякое порядочное ремесло, требует определенного таланта, умения. Чем он хуже пианиста — весь талант его сосредоточен в кончиках пальцев! Если понадобится, он сумеет незаметно вытащить сердце у человека и преспокойно положит в карман, а тот—хозяин сердца—пойдет себе дальше и не оглянется!

Из мечети Гасан вышел, чувствуя прилив необычайного воодушевления. Она — священная мечеть — горою стояла за его спиной. Гасан, засунув руки в карманы и мурлыча какую-то песенку, пошел к остановке троллейбуса. Здесь скопилось уже много людей. Гасану везло: где-то произошла авария, троллейбусы задерживались. В такой суматохе ему легче работалось, ибо люди, вечно куда-то спешащие и куда-то опаздывающие, забывали не только про карманы, но и про собственные головы.

Наконец, троллейбус подошел. Началась давка, и Гасан, как ловкий пловец, стал орудовать руками...

Домой он вернулся с набитым карманом. Ему удалось значительно преуменьшить вес одного толстяка в шляпе. Когда Гасан выбрался через заднюю дверь, раздались крики: «Ограбили! Стащили! Держите!». Но Гасан не придавал этому значения, ибо знал: не избежать того, что написано у него на лбу! Спокойно смешавшись с толпой, он сразу исчез.

Дома он подсчитал выручку, отделил солидную пачку на мелкие расходы молле, остальное запрятал под тюфяк, затем выпил стопочку водки и, возблагодарив аллаха, лег спать.

И увидел он во сне, будто весь мир перевернулся, началось светопредставление. Два ангела тащат Гасана на божий суд. Тот пытается вырваться, как, бывало, вырывался от милиционеров, нанося неожиданный удар головой, но не тут-то было: здесь никакая хитрость и никакая сила не помогут! Как будто железные тиски сжимали ему руки. Наконец, подтащили его к весам. Взвесили сначала свершенные им добрые дела — стрелка не дрогнула! А когда стали взвешивать грехи, весы не выдержали. Раздался треск. Гасана мигом столкнули с чаши. Черт со страшной мордой подцепил его огромной лопатой и чуть-чуть не отправил в адское пекло, но Гасан воздел к небу руки и в отчаянии завопил:

— Стойте! Грамотные вы или нет? Прочтите хоть, что написано у меня на лбу!

Все молчали. Оказывается, ни один из служителей загробного судилища не умел читать. Выпучив глаза, старый ангел сказал:

— Какая еще там грамотность? Некогда нам голову ломать!

И он моргнул черту. Тот снова взялся за лопату, но Гасан, сам не свой, бросился к ногам старого ангела, обнял его колени и стал умолять:

— Постой, погоди минутку, пощади! Ведь я всю жизнь поступал так, как написано у меня на лбу! Прочти—сам увидишь!

Ангел опять хотел сослаться на свою неграмотность, но в этот миг сверху раздался грозный голос:

— Имя мое произнеси! Тогда все прочтешь!

И только прозвучали эти слова, словно рентгеновскими лучами осветили изнутри мозг Гасана. Лоб его озарился светом и ясно выступила надпись, напоминающая клубок извивающихся змей. Старый ангел тотчас подошел к Гасану, шепнул «бисмиллах!» и стал читать священную надпись. Долго старался он, разбирая по слогам, пока не убедился, что, действительно, все поступки Гасана были заранее известны аллаху.

Согласно этой надписи, Гасан должен был жить еще 20—30 лет, зарабатывая на хлеб тем же способом, к которому он прибегал раньше, а незадолго до смерти — совершить попомничество к мавзолею святого отца имама.

И тогда старый ангел достал из кармана неизвестно откуда взявшуюся авторучку, поставил в списке перед его именем птичку и сказал:

— Тебя привели сюда по ошибке... Неразбериха у нас в канцелярии... Все перепутали, черт их подери... Возвращайся-ка на землю, займись своим делом... Извини, что причинили тебе столько беспокойства.

И Гасана отпустили.

Обратный путь был долог. Устав, он сел в тени пальмы. Сперва полюбовался авторучкой, которую успел вытащить из кармана старого ангела. Она была совсем недурна, пожалуй, можно продать ее на земле за хорошие деньги. Налюбовавшись вдоволь, Гасан решил было прилечь. Только задремал — и тут кто-то принялся будить его, причем очень бесцеремонно—пинками. С трудом открыв глаза, он увидел невероятную картину: над ним стояли два милиционера и толстяк, карманы которого он так основательно очистил сегодня. Гасан тут же закрыл глаза, чтобы очутиться опять в тени пальмы, но тщетно. Милиционер не дал ему заснуть — пришлось приподняться, сесть. И только теперь он заметил, что кроме милиционера и толстяка здесь были и управдомами, и соседка—понятая. Управдомами, длинный тощий мужчина, как будто несколько дней уже не причесывал свои волосы, и они у него торчали во все стороны. «Вот она—пальма, приснившаяся мне!» — подумал Гасан.

Словом... не будем вдаваться в подробности. Обыскали квартиру, нашли деньги под тюфяком. И милиционер точно такой же авторучкой, которая приснилась ему, составил протокол.

Пока Гасана не повели в милицию, ему казалось, что он все еще не проснулся. Но в отделении он убедился, что это самая настоящая явь, а не сон. И начал оправдываться:

— Товарищ начальник, разрешите сказать: я в этом деле совсем не виноват!

— Кто же виноват? — сердито спросил начальник.

Гасан поднял руку, ткнул пальцем в небо.

— Он виноват. Случилось то, что он написал на лбу моем. Вот вы арестовали меня, притащили сюда. А это несправедливо, неправильно, потому что во сне мне прочли все, что написано у меня на лбу, все, что ожидает меня в будущем. Как раз об аресте там не было ни слова. И об обыске, о том, что вы обнаружите у меня деньги этого дядьки, — тоже ни слова!

Толстяк засмеялся и сказал:

— Это у меня на лбу, наверно, написано было, что деньги мои не пропадут.

— А арест твой был отмечен на моем лбу! — подвел итог начальник.

И под веселый их хохот Гасана увели. А когда за ним закрылась дверь камеры, он подумал: «Вот оно—паломничество, написанное на лбу моем...»

Состоялся суд. Гасан отсидел свой срок. Наконец, в ветреный, дождливый день его отпустили. Он дал себе слово, что прежде всего пойдет в мечеть, схватит моллу за горло и как следует тряхнет его. Ведь во всем, если разобраться, виноват он со своей проповедью! Но того моллу Гасан не нашел. Ему сказали: он снят со своего духовного поста за какую-то авантюру. На кафедре в мечети сидел другой, незнакомый ему бородатый мужчина. Говорил он важно, внушительно. Слушали его всего-навсего пятеро-шестеро стариков. А трое-четверо сладко спали.

— Все на свете происходит по воле аллаха, — говорил новый молла. — Никому не избежать того, что написано на лбу его...

Гасан выбежал из мечети, сжимая кулаки от гнева.

— Тьфу! Лжецы проклятые! — ворчал он про себя. — Не вы ли своими проповедями губите людей?

Он шел, глубоко задумавшись. А кругом— торопились по своим делам мужчины, женщины, студенты, школьники. «Нет, хватит с меня божьих милостей, — думал Гасан, — надо заняться каким-нибудь честным ремеслом — и жить так, чтобы мне тоже было куда спешить».

Перевод Джалала МАМЕДОВА

---